

Играю всех — итальянцев, евреев, турок и даже армян

Так получилось, что вопросы на этой встрече задавала Я Армену Борисовичу ДЖИГАРХАНИНУ вместе с десятками других поклонников его творчества. Поверьте: в Риге их немало, и билеты на спектакли с его участием — вместе с Гундаревой, Лазаревым, Симоновой — ну просто не достать. А разговор получился коллективным потому, что люди пришли обсудить важные вещи и посоветоваться не только с Джигарханяном-актером, но и с интеллигентом, за свою жизнь побывавшим в разных ипостасях и вобравшим в себя мудрость разных народов и культур.

— Сознание того, что живешь в другой стране, с другим укладом, другими привычками, не должно вызывать каких-то отрицательных эмоций, — говорит Армен Борисович. — Я армянин, но актер русского театра. И ничего ненормального в этом нет. Не знаю, как в Латвии, но в России возникло даже такое словосочетание, как «лица кавказской национальности». Чаще всего его произносят без восторга. Иногда многие грехи списывают на эти самые «лица». Часть вины за предвзятое отношение лежит и на них самих. Ведь доказывать свою правоту надо конкретными делами. Вот я работаю, играю итальянцев, евреев, турок... А почему бы и нет? Важно, чтобы я в душе имел свое отношение ко всему, и это обязательно проявится в моем деле. Сейчас мы в театре выпустили спектакль «Жертва века» по Островскому. Играю в нем Салай Салтаныча, о котором говорят, что он не греческий турок, не то — армянский еврей. Не могут понять, кто. Это оказалось хорошим поводом расчитаться за штамп «лица кавказской национальности».

А так работы много. Воююсь сглазить. Время от времени меня звали сниматься на «Арменфильм», но, к сожалению, там жизнь зачихала. Света нет,

денег нет, кино не снимают.

— В Латвии — та же ситуация, хотя со светом все в порядке...

— Да, латышский режиссер Стренч, снявший фильм «Театр», по-моему, очень точно и правильно сказал: «Я не знаю, что мы выиграли в политике, но то, что мы потеряли богатый рынок в лице России, — это факт». Выяснилось, что шведы, датчане, финны не очень хотят приобретаться к искусству соседей, а американцы — так и вообще про латышское кино ничего не знают.

— Армен Борисович, когда вам было лучше: при коммунистах или сейчас?

— Если не лукавить, то лично мне совершенно все равно. Я занимался своим конкретным делом. Ничего в моей жизни принципиально не изменилось. Самое трудное в другом. Мы попали в некую иную мораль, к которой, может быть, не были готовы. Я для себя все происходящее сравниваю с хрестоматийной ситуацией. После окончания ленинградской блокады уцелевших стали вывозить. На первой же станции сердобольные люди приносили им поесть. Они ели и умирали. По себе сужу, что то состояние, в котором мы находимся, сродни подобному выходу из блокады. Для меня многое непривычно. В театре можно

уже ходить голыми, на экране — ругаться матом...

Иногда, когда я ностальгически вспоминаю прошлую жизнь, меня устраивает некая видимость стабильности. Например, в свое время к нам в театр на спектакли приходил председатель Моссовета товарищ Промыслов. Мы его в кабинете директора окружали, наливали коньяк и между рюмками подбегали: мол, театру нужны две квартиры. И две квартиры — есть! Сейчас нет человека, которому можно налить коньяк и получить квартиру. Хотя квартиры и есть, но они стоят многие миллионы. Нет-нет, но и вспомнишь с сожалением о Промыслове. В то же время я отлично понимаю, что это — видимость стабильности, за нее с меня сдирали кожу и платили копейки. Но так я устроен. Хотя грех роптать: снимаюсь в картине, получаю такие суммы, что хоть с мешком приходи. А кто-то и не снимается. В моем представлении самый справедливый закон природы заложен в естественном отборе. К сожалению, мы можем лишь пожалеть зайца, которого съел товарищ, а сейчас уже господин волк.

— Расскажите, пожалуйста, о своей семье.

— Как-то была я на встрече с одним актером, который на этот вопрос ответил так: женат и счастлив. У меня нормальная семья. Один сын, внуков пока нет. В детстве его дразнили, что он — сын белогвардейца Овечкина из «Неуловимых». Так что с тех пор он, по-моему, решил обходить кино и студии стороной. И, если выбирается в театр, то делает это, я думаю, по настоящей своей девушке. Сын — журналист, хорошо знает английский, иногда переводит пьесы, рассказы. Жена у меня закончила несколько институтов, сейчас помогает мне преподавать во ВГИКе.

— Внешне вы не выглядите

артистом в общепринятом смысле...

— Это очень верное замечание, потому что мы часто артистичность человека (а таких людей множество) принимаем за принадлежность к профессии актера. Если мне еще предстоит заниматься педагогикой... Я говорю без кокетства, потому что одно занятие стоит по затраченным силам пяти спектаклей. Так вот: я бы отменил все эти вступительные чтения басен. Я бы пообщался с психологами, они бы разработали систему тестов, которые должны определить уровень возбудимости нервной системы, реакции. Приведу любимый пример. Один летчик, который летал на сверхзвуковых самолетах, рассказывал, что, оказываясь, человек получает в секунду 200 единиц информации. Нормальный человек реагирует на 18—20 из них. А у летчиков этот показатель должен быть в два раза выше. Если он падает, летчика списывают. Я и думаю, что талант — это способность реагировать на возможно большее количество информации.

— После роли штабс-капитана Овечкина вы сыграли Сократа. Потом был Нерон, теперь адмирал Нельсон. Как вы себя ощущаете в эпохах?

— Самое банальное, когда, хваля артиста, говорят: «Он сыграл Гамлета-человека». Будто до него играли Гамлета-верблюда. В моем представлении профессия, величие, значимость, гениальность играть невозможно. Есть цепь поступков и реакция Нельсона на них, которые заставляют меня думать, что это — незаурядный человек. Потом, у него очень интересная судьба. Человек, который ослеп, потерял руку, в 46 лет уже старик, понимает, что ему надо уйти из жизни, чтобы стать легендой.

Карен МАРКАРЯН.
(Наш соб. корр.)

Рига.